

Администрации
Принстонского
университета

Недавно я узнала, что Принстонский университет принял в свою библиотеку все то, что чудом удалось сохранить из архива Осипа Мандельштама. Признаюсь: это известие извлекло меня от постоянной тревоги и беспокойства за судьбу и сохранность этих бумаг, и за это я благодарна университету, а также многим частным лицам, усилиями которых был спасен архив — я помню их всех, но даже еще и сейчас всех их нельзя перечислить.

Возможно, вы глубже поймете переживаемое мною сейчас состояние и оцените лучше важность имеющегося теперь в вашем распоряжении архива, если узнаете, что почти половину своей сознательной жизни я посвятила тому, чтобы заучить наизусть, переписать и донести до читателя то, что запечатлено на хранящихся теперь в вашей библиотеке пожелтевших старших листах.

И тем не менее я сумела донести далеко не все. Многие — варианты, наброски, черновики — еще не разработаны и не опубликованы. В этой связи я хотела бы высказать некоторые пожелания в надежде, что вы прислушаетесь к ним и осуществите их в меру имеющихся у вас возможностей.

Я хотела бы, прежде всего, чтобы архив Мандельштама хранился в Принстонском университете постоянно и ни в какой своей части не передавался бы на хранение другим организациям или частным лицам. Я хотела бы, далее, чтобы была составлена систематическая опись архива и чтобы все имеющиеся в архиве материалы были тщательно скопированы и лишь в виде копий выдавались бы для ознакомления и работы исследователям, занимающимся изучением творчества Мандельштама. Работа с самими оригиналами представляется мне допустимой лишь в абсолютно необходимых случаях — например, при подготовке фототипического или текстологического издания рукописей.

В то же время, для более широкого ознакомления с содержанием архива и введения его в обиход исследователей и издателей произведений Мандельштама, я хотела бы, чтобы каталог архива, а затем и полный комплект копий содержащихся в архиве бумаг был бы издан, а издание стало бы доступным для всех организаций (университетов, институтов, библиотек, архивов, издательств), а также частных лиц, занимающихся изучением творчества Мандельштама.

По-видимому, это максимум того, о чем я имею, как мне кажется, моральное право просить администрацию Принстонского университета. Но, не скрою, мне хотелось бы большего. Я знаю, что сейчас нет места, где может быть создан Музей Мандельштама: не осталось его квартиры, забыты или снесены дома, где он жил, могила его неведома и безымянна, и вряд ли какая-нибудь на Земле будет названа улицей Мандельштама. И все же мне хотелось бы, чтобы Музей Мандельштама был — пусть не музей, а хотя бы кабинет, маленькая библиотека, одна-единственная комната, совмещающая в себе музейную экспозицию и библиотеку-читальню.

Как бездомный, мечтающий об уютной квартире или хотя бы о спокойном и теплом ночлеге, я представляю себе обстановку и атмосферу этого Музея. Конечно, личных вещей Мандельштама не осталось. Осталась кучка рукописей и фотографий. В Музее могли бы быть выставлены их копии. Можно было бы также собрать и экспонировать — в оригиналах или ко-

Судьба архива поэта

И, в кулак зажимая истертый

Год рожденья с гурьбой и гуртом,

Я шепчу обескровленным ртом:

— Я рожден в ночь с второго на третье

Января в девяносто одном

Ненадежном году, и столетья

Окружают меня огнем.

ПО НОВОМУ СТИЛЮ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОСИПА ЭМИЛЬЕВИЧА МАНДЕЛЬШТАМА ПРИХОДИТСЯ НА 15 ЯНВАРЯ. В НЫНЕШНЕМ, 1991 ГОДУ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА ИСПОЛНЯЕТСЯ 100 ЛЕТ, ИЗ КОТОРЫХ ОН НЕ ПРОЖИЛ И ПОЛОВИНЫ.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА МАНДЕЛЬШТАМА В ПОЛНОЙ МЕРЕ СКАЗАЛАСЬ НА СУДЬБЕ ЕГО АРХИВА, СПАСЕНИЕМ КОТОРОГО МЫ ОБЯЗАНЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВДОВЕ ПОЭТА — НАДЕЖДЕ ЯКОВЛЕВНЕ МАНДЕЛЬШТАМ.

ЭТО ПИСЬМО было написано Надеждой Яковлевной Мандельштам за полтора года до смерти. Им она подвела черту под делом, которому посвятила почти половину своей жизни, — речь идет о хранении архива Мандельштама и, шире, о сохранении его творческого наследия.

Нам еще случится не раз взглянуть на отечественную культуру первой половины нашего разрушительного века, как на тайное сокровище, сохраненное вдовами, передавшими нам, сегодняшним, наследие своих погибших мужей. «Мастер и Маргарита» Булгакова, романы Андрея Платонова, картины Фалька — все это и многое другое сохранено и донесено до нас усилиями вдов, видевших в этом цель и смысл своей оставшейся жизни. И, наверное, одним из первых в таком перечне должно стоять имя Н. Я. Мандельштам.

В своих воспоминаниях она рассказывает, что проблема сохранения архива встала перед ней в 1934 году, когда в ночь с 13 на 14 мая вместе с арестованным поэтом из дома была изъята значительная часть рукописей. Тогда поэт был выпущен в ссылку, и изъятые удалось восстановить. Но при втором аресте, в 1938 году, вместе с изъятными рукописями пропали и стихи. Карательная машина и ее вдохновители стремились стереть с лица земли и жертву, и память о ней. Спаси поэта его жена была не в си-

лах, но она могла попытаться сохранить его труд.

Так начинается эта борьба, в которой загнанная, бессильная женщина бросает государственной машине вызов, сначала тихий, несильный, а потом — открытый и громкий, и в конце концов одерживает победу, как бы за всех и для всех тех, кому дорого творчество Мандельштама, дороги поэзия, культура, добро и справедливость. Конечно, такие люди были и среди современников поэта — без их помощи задача была бы неосуществима. Им передавались рукописи, и они хранили их в черные, опасные годы, прекрасно зная, чем это грозит. Надежда Яковлевна называет их: Любовь Алексеевну Назаревскую, не признавшую дочь А. М. Горького, своего брата Евгения Яковлевича Хазина, литератора Игнатия Игнатьевича Бернштейна («Саню Ивича»), обретенных в воронежской ссылке молодых друзей — Сергея Борисовича Рудакова, Наталью Евгеньевну Штемпель. Были и другие хранители.

К счастью, ни для кого из них хранение архива не обернулось бедой. Однако без потерь не обошлось. Погиб на фронте С. В. Рудаков, а его вдова не сумела сохранить доверенные ему рукописи Мандельштама и Гумилева. Н. Е. Штемпель, выносившая из прифронтового Воронежа оставленные у нее Надеждой Яковлевной и Осипом Эмильевичем архивные материалы, пренебрегла теми записочками и шуточными стихами, которые были адресованы ей лично — все унести она не могла и решила, что может пожертвовать своим, но должна сохранить порученное ей чужое.

Скитаясь в 40-х и 50-х годах по городам и весям страны, Надежда Яковлевна постоянно тревожилась об этих бумагах, которые в любой момент могли бесследно исчезнуть. Она заучивала стихи наизусть, переписывала, раздвигала списки тем, кому доверяла, надеясь, что хоть где-нибудь что-то сохранится. Ведь ни за что нельзя было ругаться.

Так прошло двадцать с лишним лет. «Оттепель» наступила внезапно. Заботы изменились. В 1957 году Мандельштам был реабилитирован по второму «делу», но в реабилитации по первому (антисталинские стихи) было отказано. Справедливость наступила медленно. Была создана комиссия по литературному наследию, одна из публикаций и изданиями не спешили. Журналы стали притокрывать для стихов поэта лишь в 1964 году. Первое издание, тоненькая брошюрка не изданного при жизни «Разговора о Данте» — это 1967 год, а неполный одностолбный стихов — 1973-й. Но ведь хлопоты об изданиях шли с конца 50-х! Неудивительно, что Надежда Яковлевна быстро разочаровалась в издательских обещаниях. Началась, как говорила Анна Андреевна Ахматова, «дотупенбергская эра» — стихи пошли в самиздат. Стихотворения Мандельштама — одними из первых. Помню, как в 1960 году ночью напролет переписывал машинистский экземпляр.

И все же творческое наследие Мандельштама перестало быть «подпольным». Началась его текстологическая разработка, над рукописями склонились исследователи. Николай Иванович Харджиев, Ирина Михайловна Семенова, Александр Анастольевич Морозов, Вадим Михайлович Борисов — их усилиями впервые прочитывались и комментировались рукописи, черновики, варианты. Однако издавали Мандельштама не на родине, а за ру-



бежом. В 1955 году — одностолбик. В 1964—1966 годах — двухстолбик, а затем и четырехстолбное собрание сочинений. Его издатели — Г. П. Струве, Б. А. Филиппов, а позднее и Н. А. Струве — опирались на несовершенные источники, тексты были не свободны от ошибок, но более полное издание не было и нет до сих пор. Выход его означал, что цель Надежды Яковлевны достигнута, труд поэта сохранен и уже не может быть уничтожен, а дальнейшее — дело истории.

Однако история складывалась уже сейчас, на глазах современников. Конец 50-х годов оказался не только временем надежд, в частности на возвращение в литературу тех, кто был уничтожен и чьи имена казались вычеркнутыми: Гумилева, Бабеля, Пильняка, Клычкова и многих, многих других. Появилось ощущение, что можно говорить об этих страшных временах, писать и вспоминать о них. Тогда-то Надежда Яковлевна и начала создавать свои воспоминания. К середине 60-х была закончена первая книга, к концу 60-х — вторая. Они пошли в самиздат, а в начале 70-х одна за другой были изданы на Западе.

Теперь трудно себе представить, что значили эти бесспорно открытые и резкие книги в ту пору полугласности, полуправды, полунамеков и умолчаний. Одинокая и совершенно беззащитная старая женщина бросила громкий вызов идеологической и карающей машине огромного государства как раз тогда, когда оно стало вновь преследовать всех заявлявших о несогласии с ним. Был подвергнут травле Пастернак. Были осуждены Даниэль и Синяевский. Были введены войска в Чехословакию и подвергнуты суду демонстранты, протестовавшие против ввода этих войск. Начались процессы правозащитников.

В этих условиях Надежда Яковлевна отнюдь не могла быть уверена в своей личной неуязвимости. Она боялась. И не только за себя, но и за сохраненный ею архив, за несколько десятков книг, оставшихся от личной библиотеки поэта. Она никогда не держала дома это сокровище. Все годы оно хранилось у доверенных и близких людей. Последние несколько лет — у меня. Но было ясно, что никакое частное хранилище не может противостоять вторжению «компетентных лиц», а государству, которое не желало издавать стихи убитого им поэта, его вдова не хотела доверить хранение этих рукописей. Она боялась, что их запрут, никому никогда не покажут, наконец, уничтожат, — и не было достаточно веских доводов, чтобы переубедить ее, поскольку вновь все стало возможным.

А на Западе в это время выходило собрание сочинений, издавались статьи, писались диссертации, монографии о творчестве Мандельштама. Первой из них была книга Кларенса Брауна, слависта из Принстонского университета, приезжавшего в Москву для изучения мандельштамовских мате-

риалов и подружившегося с Надеждой Яковлевной. Спустя несколько лет после отъезда Брауна возникла идея передачи архива в Принстон. Некоторые из друзей Н. Я. Мандельштам пробовали отговорить ее — это оказалось невозможным. Я не пытался. Я попросил разрешения снять фотокопии. Она согласилась.

Это была долгая работа, с которой мне никогда бы не справиться без помощи Владимира Дмитриевича Познанского, Владимира Александровича Вальтера и семьи Пастернаков, Виктора Александровича Хинкиса и его жены Гали. В 1972 году Надежда Яковлевна отправила архив за рубеж. Теперь она могла не беспокоиться о его судьбе. Там архив хранили, читали, изучали. В 1980 году — последнем году жизни Н. Я. Мандельштам — Виктория Александровна Швейцер издала в США книгу «Воронежские тетради», подготовленную на основе хранившихся в Принстоне материалов.

Вся правота горьких и тревожных предвидений Надежды Яковлевны стала очевидной лишь в 1983 году, когда в мой дом пришли с обыском и унесли все хранившиеся у меня мандельштамовские книги, фотокопии, микрофильмы, весь личный архив Н. Я., который она мне передала и завещала, все издания с ее пометками, пометками разоборщиков и вернуть «то, что не относится к делу». О каком «деле» говорили работники КГБ и прокуратуры, так и осталось непонятным. По-видимому, «дело Мандельштама» до сих пор не закончено, так как мне ничего не вернули. К счастью, фотокопии к тому времени были скопированы, и по этим копиям с копий, которые больше уже никогда не хранились у меня дома, все эти годы ведется текстологическая работа, готовятся мандельштамовские публикации.

Письмом, обращенным к администрации Принстонского университета, Н. Я. Мандельштам просилась с сохраненным ею архивом и пыталась в последний раз повлиять на его дальнейшую судьбу, сделать его открытым, доступным для исследователей и издателей и — сохранным. Мечта о «полном», «академическом» издании о Музее, о Мемориальном Центре Мандельштама ей самой казалась недостижимой и почти нереальной. Да и до сих пор каждая новая отечественная публикация кажется почти что чудом.

И все же сейчас, когда в нашей стране, на родине поэта, издаются и переиздаются его произведения, когда в Москве изданы воспоминания Надежды Яковлевны, когда в Институте мировой литературы ведется работа по подготовке академического собрания сочинений Мандельштама, когда широко и гласно отмечается 100-летний юбилей поэта, — кто знает, может быть, дойдет дело и до его Музея и станет реальностью то, о чем писала Н. Я. в этом письме.

Ю. Л. ФРЕЙДИН